

«Мир русской византистики...» – третий и, по свидетельству авторов, завершающий выпуск издания, предпринятого в рамках научного проекта «Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге»¹. Тематика книги, несомненно, намного шире, нежели заявлено в названии. Ведь это издание также содержит материалы и по истории славянского мира, Русской православной церкви, общественной жизни в России и за рубежом в XIX–XX вв. Кроме того, поиски ученых отнюдь не ограничились архивохранилищами Санкт-Петербурга.

Выпуск подразделен на две части. Первая – «Обзоры» – представляет прежде всего материалы личных архивных фондов представителей церковной византистики, профессоров И.Е. Троицкого, Н.В. Покровского, Н.Н. Глубоковского, Н.К. Никольского, А.А. Дмитриевского, В.В. Болотова, А.И. Бриллиантова, а также близкого к этому кругу ученых филолога-классика, специалиста в области христианской агиологии и палестиноведения И.В. Помяловского (с. 8–311). Как справедливо замечено в предисловии к изданию, это направление в византистике, равно как и важный вклад Санкт-Петербургской Духовной академии в развитие русской науки XIX – начала XX в. до последнего времени были практически забыты или замалчивались (с. 6). Нам представляется необходимым остановиться на каждом очерке в отдельности, дабы привлечь внимание современного читателя к выдающимся, однако ныне мало известным, ученым.

Иван Егорович Троицкий – профессор С.-Петербургской Духовной академии, стоял у истоков Православного Палестинского общества и Русского археологического института в Константинополе. Близость к Святейшему Синоду и лично К.П. Победоносцеву делала его экспертом не только в вопросах государственного содействия развитию византиноведения, но и в целом в определении восточной политики Русской православной церкви. Не случайно именно к Троицкому неоднократно обращались с просьбой о содействии в реализации различных начинаний Ф.И. Успенский и В.Г. Васильевский. Интересно заметить, что Иван Егорович не поддержал идею учреждения «Византийского временника», равно как и создания при Палестинском обществе Византийского общества. Очевидно, он относился к Васильевскому как к несерьезному прожектеру: «Васильевский носится с проектом», «носит с идеей», – обычные для него выражения. Обзор архива И.Е. Троицкого, проведенный Л.А. Герд (с. 8–40), выявил не только черновики к опубликованным работам, многие из которых являются ныне библиографической редкостью, но и подробный план-конспект так и не осуществленного исследования о Варлааме Калабрийском, выписки по истории сношений России с православным Востоком в XVII в., многочисленные копии с греческих рукописей Московской Синодальной библиотеки. Все эти материалы характеризуют широту научных интересов И.Е. Троицкого, но одновременно и оставляют чувство горького сожаления о том, что преждевременная кончина помешала ученому осуществить многое из задуманного. Как актуально звучит в этой связи дневниковые записи самого Ивана Егоровича: «Мне исполнилось 59 лет. Господи! Как много я уже прожил и как мало сделал!.. Я... был всегда ретивым паче меры, но плохо рассчитывал свои силы и свое время... Между тем пора подводить итоги сделанному... Удастся ли мне довести до конца по крайней мере хоть часть того, что мною начато в надежде на избыток сил и времени?».

Научная, педагогическая и музейная деятельность исследователя византийского искусства и иконографии Николая Васильевича Покровского привлекла внимание Н.В. Пивоваровой. В основу ее обширного очерка (с. 41–118) были положены прежде всего материалы личного фонда ученого, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Очерк дополнен четырьмя приложениями: «Семейные связи Н.В. Покровского» (представлено генеалогическое древо пяти поколений), «Из семейного архива Покровских», «Литографированные курсы лекций Н.В. Покровского в библиотеке С.-Петербургских Духовных академии и семинарии» и, наконец, полная библиография трудов ученого и избранные *Personalia* Н.В. Покровского. Активный участник Общества любителей древней письменности, четырех областных историко-археологических съездов, основатель Церковно-археологического музея С.-Петербургской Духовной академии, блестящий лектор и экскурсовод, организатор

¹ Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995. 462 с.; Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999. 631 с.

педагогических курсов для учителей церковноприходских школ профессор Покровский, несомненно, являет собой пример подлинного подвижничества и бескорыстного служения делу просвещения народа. Работа, проведенная Н.В. Пивоваровой, имеет тем большее значение, что вплоть до недавнего времени архивные материалы, касающиеся личности этого замечательного ученого, практически не привлекали внимание исследователей.

Жизненный путь богослова Николая Никаноровича Глубоковского подразделяется на два этапа: до 1921 г., когда ученый жил в России и преподавал в С.-Петербургской Духовной академии, и после, когда, отправившись в эмиграцию, он стал одним из выдающихся деятелей культуры русского зарубежья, преподавал в Пражском, Белградском, Софийском университетах, а также в Богословском институте в Париже. Предметом исследовательского интереса Т.А. Богдановой явился лишь первый этап, поскольку следы пребывания Глубоковского за рубежом следует искать в заграничных архивах. Очерк «Н.Н. Глубоковский: путь церковного ученого» (с. 119–171) основан на материалах нескольких архивных собраний, основное из которых находится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и насчитывает свыше 2000 дел. Т.А. Богдановой в полной мере удалось, на наш взгляд, «очертить образ Глубоковского и путь, оставивший следы, рассеянные по многим архивам», что, по словам автора, и являлось целью очерка (с. 122). Огромный интерес представляют материалы, относящиеся к периоду обучения в Вологодской Духовной семинарии, а также в Московской Духовной академии, живо связанной, по свидетельству Глубоковского, в те годы (1880-е) с Московским университетом. О степени колоссального влияния богословских студий на повседневную жизнь ученого свидетельствует тот факт, что выдающиеся события собственной жизни он датировал, ссылаясь на события церковного календаря. Очень серьезно относился Николай Никанорович к преподавательской деятельности в Духовной академии. Показателен тот факт, что, несмотря на неоднократные предложения читать лекции в Петербургском и Московском университетах, он категорически отказался, считая неприемлемым подобное совмещение, поскольку в таком случае невозможно полная самоотдача и полноценная работа ни в том, ни в другом месте. Глубоковский, несомненно, понимал преподавание как широкую духовную миссию: «Профессорские занятия, будучи учеными по характеру, непременно всегда и у всех истинных носителей научного знания бывают практически учительными» (с. 139). Хотелось бы обратить внимание еще на одно из проявлений многогранной деятельности Глубоковского – издание «Православной богословской энциклопедии». На посту главного редактора он заменил скончавшегося А.П. Лопухина. И здесь ученый по-прежнему верен себе: «По мысли Александра Павловича, Энциклопедия его должна была служить: первое – духовенству, второе – всему образованному обществу. У вас выходит наоборот» (из письма Глубоковскому И.А. Бродовича) (с. 146–147).

Очерк Н.В. Крапошиной (с. 172–206) воскрешает память о ныне практически забытом слависте-литературоведе Николае Константиновиче Никольском. Судьба его творческого наследия поистине трагична, ибо почти все его труды остались незавершенными и, следовательно, не публиковались ни при жизни ученого, ни в последующие годы. В этой связи огромное значение приобретает работа с рукописным наследием Никольского. Имя Никольского принадлежит прежде всего к кругу исследователей древнерусской литературы. История Византии интересовала ученого в основном в ранний период: «Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV–XVI вв.» – исследование одного из древнейших русских разговорников. Впоследствии в связи с изучением «Повести временных лет» Никольский вновь обращается к византиноведческой проблематике. Рукописные материалы личного фонда ученого позволили Н.В. Крапошиной выделить круг вопросов, специально интересовавших Николая Константиновича: культурное влияние на Древнюю Русь, крещение Руси и роль князя Владимира, крещение Ольги, договоры Византии с Русью. Обширная переписка Никольского (в числе его адресатов Х.М. Лопарев, Н.П. Лихачев, В.Н. Бенешевич, Н.П. Кондаков, А.И. Пападопуло-Керамевс, Ф.И. Успенский и многие другие) показывает его место в кругу наиболее авторитетных византинистов тех лет. Н.В. Крапошиной удалось, на наш взгляд, отразить своеобразие личности Николая Константиновича, отличительной чертой которой была крайняя скромность: любопытно, что он долгие годы отказывался предоставлять сведения о себе для различных биобиблиографических изданий, «будучи самым искренним врагом саморекламы и самоафиширования» (с. 174). Думается, эта же черта характера помешала Никольскому создать обобщающий труд по истории древнерусской литературы. Он искренне полагал, что такую задачу невозможно решить без полного изучения всего рукописного материала, и, следовательно, добровольно брал на себя выполнение бесконечной

черновой работы, результатами которой, по его замыслу, смогут воспользоваться следующие поколения (с. 193).

Хотелось бы отметить особую живость очерка И.П. Медведева об Иване Васильевиче Помяловском (с. 207–240). Уже первые фразы переносят читателя в особняк В.Э. Регеля на Васильевском острове, где в 1897 г. происходил прием в честь приезда Карла Крумбаха. Ощущение присутствия создают удачно подобранные свидетельства современников. И.П. Медведев отказывается от последовательного изложения биографии своего героя: несколькими яркими штрихами («фактиками») он обрисовывает наиболее важные моменты в жизни ученого и педагога. Иван Васильевич, несомненно, обладал уникальным педагогическим даром: трудно представить себе, что преподавание древних языков можно вести «просто, ясно, изящно, научно, деловито и как-то бодро и весело», обращая главное внимание на самостоятельность студентов (с. 208). В научной биографии Помяловского выделяются два периода: «классический» (означенный созданием русской школы эпиграфистов) и византиноведческий. И.П. Медведев предпринял весьма удачную попытку определить вклад ученого в византиноведение на основе громадного личного архива Помяловского (5889 единиц хранения!). В отличие от представленных выше архивных собраний архив Помяловского почти не содержит автографов незавершенных или неопубликованных трудов. По мнению И.П. Медведева, основную ценность представляет адресованный Помяловскому колоссальный массив ученой корреспонденции, «скрывающей целый мир повседневной жизни ученых, человеческих судеб, событий в области науки, историю всем известных ныне публикаций, отдельных памятников, целых экспедиций и т.д.» (с. 213). Таким образом, большую часть очерка составляет разбор наиболее интересных писем Н.П. Кондакова, Д.Ф. Беляева, А.А. Васильева, Ю.А. Кулаковского, Ф.И. Успенского и др. Тексты некоторых писем приведены почти полностью.

Очерк К.И. Лобовиковой «А.А. Дмитриевский и великая княгиня Елизавета Федоровна (несколько штрихов к биографии ученого)» (с. 241–255) стоит несколько особняком в рецензируемом издании, так как в данном случае предметом интереса автора явился, по сути дела, всего один эпизод из жизни ученого секретаря Православного Палестинского общества Алексея Афанасьевича Дмитриевского. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки сохранилась переписка Дмитриевского с председателем общества великой княгиней Елизаветой Федоровной по поводу намерения последней восстановить в Русской православной церкви институт диаконов и посвятить в диаконы сестер Марфо-Мариинской обители милосердия. Очерк проливает свет на обсуждение этого сложного с канонической точки зрения вопроса. В Приложении приводится переписка, а также доклад Дмитриевского в Св. Синоде.

Обзор рукописного наследия Василия Васильевича Болотова, предпринятый Л.А. Герд, можно условно разделить на три части: материалы к печатным трудам, неизданные труды и переписка (с. 256–285). Последняя является, по сути дела, продолжением научных штудий, но вместе с тем содержит очень интересные размышления о профессии историка и состоянии современной науки (прежде всего богословской): «Быть деловитым историком – значит владеть искусством наводить справки. Конечно, хорошо быть с головой, как пивной котел, к зубу знать всяких королей и пап, все годы великие и малые, но это в студенте... не обещает ничего. Кто одинаково и равномерно – с поступью ломовой лошади – интересуется всем, так часто сам-то по себе, не интересуется ничем, а если и заинтересуется... то окажется неспособным ни поставить вопрос, ни найти ответ» (с. 268). Уникальный энциклопедизм Болотова, владевшего редчайшими восточными языками, астрономией, высшей математикой, позволил ему внести весомый вклад в развитие богословия, хронологии, метрологии, нумизматики, индоевропейского языкознания, истории Церкви. Таким образом, рукописное наследие ученого может представлять интерес для очень широкого круга специалистов.

Архив ученика и преемника В.В. Болотова Александра Ивановича Бриллиантова привлек внимание А.Г. Грушевого (с. 286–310). Очерк также снабжен полным списком работ А.И. Бриллиантова. Основная задача автора – «раскрытие по возможности причин, вследствие которых А.И. Бриллиантов реализовал себя много ниже своих творческих возможностей» (с. 286). 12 лет жизни (1906–1918) Александр Иванович посвятил изданию четырех томов лекций по церковной истории своего безвременно скончавшегося в возрасте 45 лет учителя В.В. Болотова. Трудно представить себе все те сложности, которые стояли на пути этого проекта: ведь подготовленного текста лекций не существовало, в распоряжении Бриллиантова имелись лишь разрозненные предварительные записи Болотова, а также конспекты

студентов. Особо поражает самопожертвование Александра Ивановича, когда узнаешь, что в его архиве хранятся собственные, весьма обстоятельные лекции по истории древней церкви. Таким образом, «работая над подготовкой к изданию сочинения Болотова, Бриллиантов как бы перечеркнул собственный труд в этой области» (с. 292). Наиболее продуктивным, по мнению А.Г. Грушевого, периодом жизни Бриллиантова стали первые 12 лет советской власти (1917–1929). В связи с закрытием Духовной академии и Богословского института ученый имеет возможность полностью сосредоточиться на научных исследованиях. К глубокому сожалению, большинство работ этого периода остались неопубликованными. Между тем «История развития папской власти в западной церкви» (от древнейших времен до Григория Великого) до сих пор является единственным русскоязычным исследованием этого сюжета. Хочется верить, что в наше время все-таки найдется ученый, способный подготовить к публикации эту рукопись и тем самым в какой-то мере воздать должное подвижничеству А.И. Бриллиантова.

В то время как большинство авторов книги имели дело с огромным массивом личных фондов, О.В. Иодко пришлось провести кропотливую работу по выявлению разрозненных документов, относящихся к жизни Е.К. Редина и П.А. Сырку, в петербургских архивах. Дело в том, что судьба архива профессора Харьковского университета Егора Кузьмича Редина до сих пор до конца не ясна: по всей видимости, архив пропал в годы фашистской оккупации Украинны. Таким образом, в основу очерка (с. 311–345) положены дневниковые записи Н.П. Кондакова и Д.В. Айналова, а также немногочисленные письма Редина и упоминания о нем в переписке коллег. Становление Редина как специалиста в области византийского искусства проходило в период двухлетней командировки за границу (Редин посетил Италию, Германию, Англию и Францию). Именно тогда определился интерес к равнинским мозаикам, которым будет посвящена его магистерская диссертация. В то же время Редин заинтересовался искусством миниатюры: «Византийские миниатюры – вот главный предмет моих теперешних занятий» (с. 351). Впоследствии докторская диссертация будет посвящена именно миниатюрам «Христианской топографии» Космы Индикоплова. К сожалению, исследование это осталось незавершенным ввиду болезни и смерти Егора Кузьмича. В дальнейшем часть работы была издана его другом Д.В. Айналовым. О.В. Иодко кропотливо, шаг за шагом выстраивает биографию Редина, обращая внимание читателя на детали, важные для понимания характера своего героя. Как трогательны хлопоты Редина и Айналова, находящихся в Италии, о том, чтобы порадовать своего учителя Н.П. Кондакова сборником в честь 25-летия его научной деятельности (1892). Как много сил и здоровья отдает Редин Музею изящных искусств и древностей Харьковского университета, заведующим которым он являлся с 1893 по 1908 г. Не может не поражать и такой факт: в день, когда Редина, судя по всему, поразил инсульт, он, несмотря на страшную головную боль, прибыл на заседание правления Общества пособия нуждающимся учащимся! Обращает на себя внимание гражданская позиция Редина – выходца из крестьянской среды: работая в библиотеке графов Уваровых в Поречье, он с тоской восклицает: «О, если бы таких уголков было побольше на Руси и если бы сокровищами их могли пользоваться те серые темные люди, что живут в убогих избушках...» (с. 334). Егор Кузьмич скончался в возрасте 44 лет, имя его почти забыто, реальный вклад в изучение византийского и древнерусского искусства оценивается специалистами весьма скромно, однако благодаря очерку О.В. Иодко ныне воскрешается память о нем как о «человеке золотого сердца» и кропотливым собирателе материалов, на изучение и синтез которых ему, увы, не достало ни времени, ни сил.

Имя Полихрония Агапиевича Сырку должно остаться в истории византиноведения в связи с его трудами по опубликованию рукописного наследия Порфирия Успенского. За 1887–1902 гг. он подготовил к изданию «Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им в Императорскую Академию наук», в общей сложности 10 томов трудов епископа, дневники за 1841–1885 гг. («Книга бытия моего»), и начал подготовку к публикации обширной переписки Порфирия. Составить полное представление обо всех этапах этой работы, равно, как и в целом о жизни Сырку, очевидно, невозможно, так как его архив не сохранился. Тем не менее в очерке О.В. Иодко (с. 346–383) проведена реконструкция полной драматизма судьбы мальчика из молдавского села, сумевшего стать приват-доцентом Петербургского университета, защитить магистерскую и докторскую диссертации и оставить свыше шестидесяти работ в области болгарской и румынской истории и филологии. Таким образом, публикация О.В. Иодко значительно выходит за рамки своего названия «П.А. Сырку: пятнадцать лет служения византистике».

Кроме новых материалов в этой части книги представлены результаты дополнительного обследования архива В.К. Ернштедта (с. 384–435), обзор которого уже публиковался во втором выпуске². В данном очерке И.В. Куклина знакомит читателя с корреспонденцией Виктора Карловича Ернштедта (245 дел). Научная, деловая и личная переписка ученого подробно проанализирована, публикация содержит большое количество цитат и позволяет составить достаточно полное впечатление о круге общения Виктора Карловича и проблемах, которые волновали его. Некоторые из этих проблем, увы, до сих пор не утратили своей актуальности. Достижения отечественных ученых, как и сто лет тому назад, часто остаются недоступными Западу из-за незнания русского языка. Ернштедт предпочитал публиковать свои работы по-русски, так что эта проблема нашла отражение в переписке с иностранными коллегами и с учеником Г.Ф. Церетели. «Когда, скажите мне, когда наступит конец этому пренебрежению к умственной работе России?», – патетически восклицал последний в письме из Берлина (с. 419).

Завершают первую часть книги обзоры архивов двух исследователей более молодого поколения, основная деятельность которых пришлась уже на советский период. Имя искусствоведа Леонида Антоновича Мацулевича неразрывно связано с Государственным Эрмитажем. Е.В. Соленикова восстанавливает по архивным материалам биографию ученого и дает характеристику фонда (с. 436–457). Все материалы разделены на несколько групп: подборки информации по интересующим исследователя темам, записные книжки с замечательными рисунками, рукописи книг и статей (в том числе неопубликованных), переписка. Обращают на себя внимание аккуратность и систематичность в работе: так, на протяжении всей жизни Мацулевич вел выписки практически одинаково, на листиках in quarto, объединяя записи в тематические подборки, путевые дневники содержат подробное описание маршрутов, смету расходов, контактные телефоны коллег. Подобной скрупулезности, несомненно, следовало бы поучиться современным исследователям. Бросается в глаза отличие архива Мацулевича от собраний, охарактеризованных ранее. По-видимому, это связано с тем, что вдова Леонида Антоновича передала архив на хранение лишь после того, как осуществила его разбор и изъяла некоторые материалы. Таким образом, мы не увидим здесь каких-либо документов личного характера и случайных вещей, как в фондах, сформировавшихся стихийно. В качестве приложений к очерку даны письмо Д.В. Айналова к аспирантам (в их числе Мацулевич), письмо Г.К. Вагнера к Мацулевичу от 12 мая 1959 г., примечательное тем, что ответ на него Леонид Антонович написал в день своей смерти 22 мая 1959 г., и послесловие Мацулевича к монографии «Мозаики Питиунта-Бичвинта», которая так и осталась неопубликованной.

Завершает «Обзоры» очерк А.Н. Васильева и Л.Г. Климанова «Е.Ч. Скржинская: жизнь и труды (по материалам личного фонда)» (с. 458–521). Жизненный путь Елены Чеславовны авторы очерка в основном обрисовали, основываясь на неопубликованной статье дочери Скржинской Марины Владимировны. Описание научного наследия ученой строится по тематическим рубрикам (Византия и Италия, Византия и Крым, Византия и Русь, Средневековый Крым и итальянские морские республики Генуя и Венеция, Венеция, Южная Италия, Италия и Русь, Средневековая эпиграфика, Палеография и Дипломатика) и представляет собой подробное перечисление всех документов с их краткой характеристикой. Уже само выделение рубрик позволяет составить достаточно ясное представление о круге вопросов, интересовавших Елену Чеславовну. Завершают представление архива рубрики Разное, Рефераты, отзывы и рецензии, Переводы. Документы к биографии, Документы о служебно-педагогической деятельности, Переписка. Некоторое сожаление вызывает тот факт, что авторы отказались от обзора корреспонденции и ограничились выборочным, по их же словам, перечислением писем Скржинской и адресованных ей³. При этом остался неясным принцип, по которому делалась выборка. В приложениях приводится список опубликованных работ Е.Ч. Скржинской и литература о ней.

Вторая часть «Публикации» в основном представлена эпистолярным наследием. Открывает эту часть обширная (с. 530–583) публикация писем Карла Бенедикта Газе академику Филиппу Ивановичу Кругу (46 писем за 1814–1826 гг.), подготовленная И.П. Медведевым. Все письма были написаны в Париже на немецком языке и публикуются в оригинале, равно как и два письма графу Н.П. Румянцеву на французском языке.

² См.: Куклина И.В. В.К. Ернштедт: обзор научного рукописного наследия // Рукописное наследие... С. 68–122.

³ Укажем попутно на небольшую неточность: имя итальянского историка Пистарино – Джео, а не Гео, как указано на с. 517–518.

Переписка профессора Московского университета А.С. Павлова с академиком А.Ф. Бычковым, председателем Археографической комиссии, в основном была связана с подготовкой к публикации второго тома «Памятников древнерусского канонического права». По мнению Г.Е. Лебедевой, автора публикации «Из эпистолярного наследия А.С. Павлова: письма к академику А.Ф. Бычкову» (с. 584–615), «переписка показывает не только научную лабораторию великого ученого, но дает и нечто большее: неся на себе печать незаурядной личности автора, она по-своему ярко характеризует А.С. Павлова как ученого и как человека» (с. 585). Опубликованы 32 письма, относящиеся к 1871–1896 гг. Очевидно, что А.С. Павлов был почти полностью поглощен своей работой («дела ученые и житейские, между которыми у меня нет большой разницы») (с. 608) и внешние обстоятельства очень мало затрагивали его внимание. Тем больший интерес представляют события, на время отвлекшие внимание ученого от его студий. Особо затронули А.С. Павлова студенческие волнения 1887 г. Этим событиям, а точнее, анализу их причин, посвящено более половины письма от 4 декабря 1887 г. – единственный случай во всей переписке, когда автор так надолго отвлекается от своей научной работы.

Завершают выпуск три подборки материалов, связанные с деятельностью «архистратига русской национальной археологии» (с. 641) академика Никодима Павловича Кондакова⁴. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранятся письма одного из основоположников французского византиноведения Габриэля Милле русским коллегам. В их числе 34 письма, адресованные Н.П. Кондакову. Именно эта часть эпистолярного наследия Г. Милле опубликована на языке оригинала И.Л. Кызласовой (с. 616–640). Письма относятся к периоду 1897–1924 гг. и, следовательно, отражают многолетние отношения между учеными. Для Г. Милле Н.П. Кондаков был «дорогим учителем» («cher et respecté Maître») и авторитетнейшим специалистом. Кроме писем Милле опубликовано также письмо самого Н.П. Кондакова Н.А. Бланш, которая тогда (1911) получила образование в Париже и помогала поддерживать связи ученого с Ш. Дилем и Г. Милле. Письмо содержит чрезвычайно интересные воспоминания Никодима Павловича о первых шагах его научного пути: «Когда я начал заниматься византийским искусством, им никто не интересовался, а в университете надо мною издевались и профессоры, и студенты... Никто не поверит теперь, что «Историю византийского искусства» я написал в течение трех месяцев, как диссертацию, спеша перейти к другой теме...» (с. 621). К счастью, переход этот так и не состоялся. Исследования Кондакова по византийскому искусству обеспечили русской науке рубежа XIX–XX вв. лидирующие позиции в мировой историографии: «Очевидно, что наше византиноведение обязано тем, что оно собой представляет, глубине Вашей мысли, Вашей несравненной пронизательности. Вы заронили новые идеи, вдохновили все наши работы» (из письма Г. Милле, с. 618).

И.В. Тункина подготовила к публикации обширную корреспонденцию академика Н.П. Кондакова, относящуюся к последним годам его жизни (1917–1925) и хранящуюся в архивах Санкт-Петербурга и Праги (с. 641–765). Большинство писем (31) отразили неразрывную связь Никодима Павловича с одним из наиболее способных, преданных и любимых его учеников – Сергеем Александровичем Жебелевым. Последние семь лет жизни Кондакова учитель и ученик не могли общаться лично, однако выработанная предшествующими десятилетиями потребность в постоянном обмене мнениями не только по поводу самых различных научных проблем, но и насущных жизненных вопросов, привела к очень подробной, интересной и обстоятельной переписке («кратко Вам писать не привык», – отмечает в одном из писем Н.П. Кондаков) (с. 750). Учитель и ученик были близки также и по своим националистическо-консервативным политическим убеждениям. После 1917 г. и Кондаков на чужбине, и Жебелев в России, естественно, все больше ощущали свое одиночество, что придавало их переписке предельно откровенный характер. Среди других корреспондентов Кондакова – А.А. Шахматов, С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр, Д.В. Айналов, В.П. Бузескул, Б.В. Фармаковский.

Е.Ю. Басаргина на основе исследований, проведенных в архивах Праги, представила документированный очерк истории Археологического института им. Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) (1925–1953) (с. 766–811). Впервые опубликован текст Устава Института (1931) (с. 788–790). Автору удалось показать огромную роль, которую играл Семинарий в сохранении и публикации научного наследия Кондакова, дальнейшем развитии заложенной Кондаковым традиции в изучении культурного прошлого России, подготовке молодых специалистов в области археологии и византиноведения, поддержании контактов между

⁴ Архив Н.П. Кондакова уже был представлен в первом выпуске.

многочисленными русскими учеными-эмигрантами в Европе и Америке. К сожалению, многие замечательные начинания, предпринятые кондаковцами, так и не были доведены до конца ввиду как финансовых затруднений, так и разногласий между учеными. Печальна судьба предприятия по изданию русского комментированного перевода трактата Константина Багрянородного «De Ceremoniis»: заверченный еще в 1929 г. в ознаменование пятилетия Семинария, труд не только так и не увидел свет, но в конечном счете не ясна судьба этой рукописи⁵. А ведь, по словам С.А. Жебелева, состоявшего в активной переписке с кондаковцами, «это было бы такое научное предприятие, равного которому по значению я не сумею и назвать» (с. 775). Год за годом прослеживается в публикации полная драматизма борьба Института за выживание и спасение культурных ценностей, связанных с Россией (библиотек Н.П. Кондакова, кн. А.А. Бобринского, М.В. Шахматова, старых русских икон из коллекции известного московского мецената Солдатенкова, монет, крестов). Остаётся лишь сожалеть, что все то, что «собиралось в конечном счете для России» (слова Г.А. Острогорского), так и не было по большей части возвращено на Родину: архив, библиотека и основные коллекции Института были переданы Чехословакии (с. 808–809). Сейчас, когда предпринимаются огромные усилия по возрождению российских научных центров за рубежом, опыт РАИК и Семинария имеет неочевидно важное значение.

Обращает на себя внимание некий общий трагизм судеб ученых второй половины XIX – начала XX в. Ранний уход из жизни В.В. Болотова, Е.К. Редина, П.А. Сырку, И.В. Помяловского, вынужденная эмиграция Н.Н. Глубоковского и Н.П. Кондакова, осуждение за контрреволюционную деятельность А.И. Бриллиантова (его судьба до сих пор до конца не ясна), невосребованность на родине – все это помешало в полной мере реализоваться многогранным талантам замечательных ученых. Материальные тяготы в дореволюционный период преследовали выходцев из крестьянской среды Е.К. Редина и П.А. Сырку (последний не вылезал из долгов, был вынужден заложить полученную в студенческие годы золотую медаль и закончил свои дни в лечебнице для душевнобольных). Денежное содержание преподавателей вообще было крайне скудным. Нельзя без сопереживания читать дневниковую запись академика В.И. Ламанского: «Нужно жить и жить для того, чтобы написать побольше и заработать хоть сколько-нибудь лишних сот рублей. От правительства мне уже ждать нечего... и тогда останешься на одной пенсии... И что тогда поделаешь?.. Умру и через год (кроме ребят) все забудут» (с. 356). После 1917 г. падает интерес к исследованиям в области византийской истории, закрываются некоторые учебные заведения, и теперь уже с угрозой голода сталкиваются такие маститые и до сих пор благополучные ученые как, например, Н.П. Кондаков.

Думается, рецензируемое издание может представлять большой интерес для интересующихся русской историей XIX–XX вв. Ведь личные архивы, быть может, более других передают дух эпохи, позволяют почувствовать атмосферу того времени. Чего стоит хотя бы брошенная между делом в переписке по поводу судьбы библиотеки Порфирия Успенского фраза И.Е. Троицкого: «Или и по этому делу запросят Бисмарка?» (письмо 1887 г., с. 25).

Хотелось бы, чтобы «Мир русской византистики» нашел практическое применение при подготовке специальных курсов для студентов. По нашему убеждению, рассказ не только о научном, но прежде всего о жизненном пути этих людей мог бы иметь огромное воспитательное значение, вернуть университетскому преподаванию ныне, увы, почти утраченную «учительную миссию».

Хочется отметить высочайшую научную культуру и подлинную интеллигентность авторов, не оставивших без внимания и благодарности никого из тех, чьими трудами, содействием, финансовой и моральной поддержкой осуществлено это замечательное издание.

Завершая рецензию на второй выпуск «Архивов...», М.А. Поляковская писала, что «подвиг его создания... оставляет надежду на встречу с третьим томом»⁶. Теперь, когда формально деятельность проекта «Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге» завершена, хочется искренне поблагодарить авторов за такой замечательный подарок не только византистам, но и всем, кому дорого славное прошлое нашей Родины, и выразить надежду, что открытые ими материалы будут широко и всесторонне изучены.

А.А. Талызина

⁵ Работа над переводом была начата еще самим Кондаковым совместно с Г.В. Вернадским; впоследствии к ней привлекли Г.А. Острогорского, Н.М. Беляева и Н.П. Толля.

⁶ ВВ. 2001. Т. 60. С. 225.